

Врачи и медицина въ произведенияхъ

Л. Н. ТОЛСТОГО.*)

Д-ра Е. М. Идельсона.

Въ ряду всѣхъ человѣческихъ знаній едва-ли найдется еще одна отрасль, которая такъ близко затрогивала бы интересы всѣхъ и каждого, какъ медицина. Присущая человѣку безконечная привязанность къ жизни, такъ называемый инстинктъ самосохраненія, созидаетъ въ немъ извѣстную, непреодолимую потребность всегда и вездѣ искать помощи среди окружающихъ въ минуты постигающихъ его недуговъ. Въ силу такой, можно сказать, поголовной, жизненной потребности, человѣкъ не только самъ всегда испоконъ вѣка прибѣгалъ къ врачебному пособию, но всегда еще имѣлъ и имѣетъ поползновеніе врачевать и другихъ, своихъ ближнихъ. Словомъ, каждый человѣкъ чувствуетъ и находитъ у себя, до нѣкоторой степени, потребность и призваніе лечить и облегчать страданія другихъ людей.

Отсюда неудивительно и весьма понятно, почему къ профессиональной медицинѣ и ея представителямъ сплошь и рядомъ, въ жизни, проявляются такія своеобразныя отношенія, которыхъ мы не встрѣчаемъ ни въ одной изъ другихъ сферъ человѣческой дѣятельности. Въ то время, какъ въ другихъ отрасляхъ знанія оцѣнка всѣхъ относящихся къ нимъ явленій и добытыхъ фактовъ, характеристика той или другой успѣшности ихъ, въ смыслѣ практическаго и полезнаго примѣненія ихъ въ жизни, обыкновенно предоставляются компетентному сужденію людей, специально подготовленныхъ и близко знакомыхъ съ данной отраслью науки; о медицинѣ же и ея представителяхъ всякій считаетъ себя вправѣ, вся-

*) Рѣчь, произнесенная въ годи́чномъ засѣданіи Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, 6-го февраля 1910 г.

кій свободно мнитъ себя компетентнымъ судьей, чтобы давать свою собственную оцѣнку, основанную большею частью, можно сказать, даже преимущественно, на одномъ только субъективномъ пониманіи, подѣ влияніемъ однихъ только личныхъ, подѣ часть совершенно случайныхъ, впечатлѣній и вкусовъ. Вся масса населенія, такъ называемая большая публика, независимо отъ степени своего культурнаго развитія и пониманія, авторитетно высказываетъ о медицинѣ свои произвольныя и нерѣдко самаго противоположнаго свойства сужденія.

Отсюда отчасти также можетъ быть выяснено то странное, загадочное явленіе, что въ литературѣ всѣхъ странъ, народовъ и эпохъ, ни одна профессія, ни одна специальность, ни одно сословіе не подвергались такъ часто ѣдкой сатирѣ и злобнымъ критическимъ насмѣшкамъ, какъ врачебная наука и врачи. Вопреки тому высокому идеалу, тѣмъ великимъ задачамъ и гуманитарнымъ цѣлямъ, которыя всегда преслѣдовались и проповѣдывались истиннонаучной, а не знахарской, меркантильной медициной; вопреки тѣмъ альтруистическимъ традиціямъ и завѣтамъ своихъ лучшихъ учителей, медицина тѣмъ не менѣе насчитываетъ, среди выдающихся писателей и видныхъ историческихъ дѣятелей и даже строгихъ моралистовъ не малое число антагонистовъ и порицателей. Даже классическая живопись, въ особенности Голландская школа, оставила намъ также не мало злобныхъ каррикатуръ, нарисованныхъ художниками изъ сферы врачебной дѣятельности. Ёдкія сатиры всегда сыпались со всѣхъ сторонъ. Начиная съ древней комедіи Аристофана, осмѣявшей жрецовъ и культъ Эскулапа до современной Крейцеровой сонаты Толстого включительно, сотысячная сатира, въ лицѣ многихъ писателей, художниковъ и поэтовъ, изошряла свое острое жало и не переставала издѣваться и глумиться надъ медициной и ея адептами, во всевозможныхъ литературныхъ формахъ. То выставляются на показъ однѣ только смѣшныя, отрицательныя стороны и недостатки врачей, то обвиняется сама врачебная наука въ несовершенствѣ, въ безсиліи, въ неправильномъ примѣненіи ея къ страждущему человечеству; и весьма нерѣдко, даже въ причиненіи вреда болящимъ, взамѣнъ ожидаемой отъ нея пользы. Не будемъ уже говорить здѣсь о тѣхъ явленіяхъ мракобѣсія и варварства, о тѣхъ печальныхъ отношеніяхъ къ профессиональной медицинѣ со стороны невѣжественныхъ, фанатически-настроенныхъ, народныхъ массъ, въ годину великихъ народныхъ пандемій, когда врачамъ приписывалось происхожденіе ихъ, когда врачи прямо подозрѣвались въ распространеніи такихъ болѣзней, какъ чума и холера.

Подробный анализъ и освѣщеніе этихъ странныхъ и загадочныхъ, съ перваго взгляда, фактовъ несомнѣнно могли-бы имѣть

для насъ, врачей, огромный интересъ и весьма instructивное въ этическомъ смыслѣ, значеніе. Правда, безпристрастная и объективная исторія, указывая намъ на роль медицины въ общечеловѣческой культурѣ, въ то же время никогда не скрываетъ отъ насъ всѣхъ тѣхъ ошибокъ и заблужденій, которымъ не чужды были врачи и медицина на пути своей исторической эволюціи. Много времени и труда потребовалось бы для того, чтобы детально выяснить и ближе ознакомиться съ мотивами главнѣйшихъ порицателей медицины и выдающихся въ исторіи антагонистовъ врачей, какъ римскаго Катона Старшаго, Петрарки, Монтеня, Мольера, Ж. Ж. Руссо, Гумбольдта, и многихъ другихъ, въ произведеніяхъ которыхъ безпощадно бичевались современные имъ врачи. Въ настоящемъ засѣданіи, рассчитывая на снисхожденіе почтеннаго соборанія, я позволю себѣ лишь только разобрать, насколько хватитъ у меня умѣнья, отношеніе къ врачамъ и врачебной наукѣ одного изъ величайшихъ литературныхъ корифеевъ нашего времени, а именно Л. Н. Толстого.

Л. Н. Толстой обладаетъ, какъ извѣстно, замѣчательнымъ даромъ покорять сердца и весьма нерѣдко и умъ своихъ читателей. Онъ далъ намъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній и моральныхъ проповѣдей, завоевавшихъ себѣ необыкновенную популярность, и можно сказать, легендарную славу, не только въ нашемъ отечествѣ, но и во всѣхъ странахъ образованнаго міра. О существованіи у Толстого массы поклонниковъ, почитателей и приверженцевъ лучше всего свидѣлствуютъ намъ миллионы томовъ изданныхъ его сочиненій на всѣхъ языкахъ читающаго міра, а также и громадное, подавляющее количество книгъ и статей, написанныхъ за и противъ Толстого.

Слава художника реалиста *par excellence* прочно установилась за Толстымъ, даже и среди несочувствующихъ ему критиковъ. Въ литературныхъ твореніяхъ этого великаго писателя земли Русской, какъ его называлъ Тургеневъ, предъ духовными очами его многочисленныхъ читателей передвигаются цѣлыя галереи самыхъ разнообразныхъ, одухотворенныхъ, живыхъ типовъ, взятыхъ изъ различныхъ сферъ русской жизни, почти, можно сказать, за три четверти минувшаго 19-го столѣтія.

Захватывая самые разнообразные моменты общественной, государственной и частной жизни, и подвергая тонкому психологическому анализу всѣ помыслы и поступки, весь внутренній міръ, все міросозерцаніе, выведенныхъ имъ на сцену дѣйствующихъ лицъ, Левъ Николаевичъ въ своихъ произведеніяхъ не могъ, конечно, не изображать также и отношенія своихъ героевъ къ медицинѣ, т. е. къ тому жизненному фактору, безъ котораго человѣкъ никогда не об-

ходится и не обходился съ тѣхъ поръ, какъ у него проявились первые проблески сознанія.

Если прослѣдить всѣ сочиненія Толстого въ хронологическомъ порядкѣ появленія ихъ въ свѣтъ, то нельзя не замѣтить, что вообще медицинѣ и ея представителямъ отводится весьма скромное, едва замѣтное мѣсто. На фонѣ сложной картины, нарисованной эпопее русской жизни, врачамъ посвящается весьма ничтожный мазокъ. Врачи въ произведеніяхъ Толстого изображены далеко не центральными фигурами, принимающими то или другое активное участіе въ созиданіи окружающей обстановки, а скорѣе какъ побочный элементъ, какъ извѣстный аксессуаръ, требующійся для полноты и цѣльности картины изображаемаго жизненнаго строя. Мало того, повсюду во всѣхъ произведеніяхъ, гдѣ только выведены на сцену врачи, Толстой не даетъ послѣднимъ собственныхъ именъ и фамилій. Врачи не участвуютъ здѣсь въ качествѣ олицетворенныхъ, реальныхъ, чувствующихъ и страдающихъ живыхъ существъ, а какъ безличныя, нарицательныя представители извѣстной профессіи, безъ всякаго индивидуальнаго выраженія. Такъ въ произведеніяхъ первоначальнаго періода литературнаго творчества Толстого „Дѣтство и Отрочество“ и „Утро помѣщика“ мы имѣемъ самое детальное, отличающееся необыкновеннымъ рельефнымъ реализмомъ, описаніе жизни въ домѣ родителей графа Толстого. Здѣсь можно встрѣтить самую подробную характеристику и психическій анализъ всѣхъ членовъ семейства, домочадцевъ, гувернеровъ, приживалокъ, прислуги и даже юродиваго странника Гришки; словомъ всѣ мельчайшія подробности, могущія имѣть какое-либо соотношеніе къ физическому и нравственному росту героя разсказа, т. е. самого Льва Николаевича Толстого. О врачахъ мы здѣсь не встрѣчаемъ ни одного мелкаго штриха и намёка, за исключеніемъ развѣ вскользь упомянутаго доктора, дремавшаго въ креслѣ, въ комнатѣ умирающей матери, или стараго нѣмца доктора, разыгрывающаго роль домашняго шута, разсказывающаго нѣмецкія сказки въ диванной комнатѣ барскимъ дѣвочкамъ, которыя слушаютъ и помираютъ со смѣху. Въ повѣсти „Казаки“ Толстой въ лицѣ своего героя, юнкера Оленина, соглашается съ мнѣніемъ первобытнаго дикаря дяди Ерошки, который говоритъ, что онъ перевѣшалъ бы всѣхъ русскихъ лекарей, если бы онъ былъ царемъ, и что русскіе лекаря ничего не стоятъ противъ Кавказскихъ знахарей, живущихъ въ горахъ и знающихъ травы для леченія ранъ. Здѣсь кстати, *entre parenthèses*, можно упомянуть, что въ это время на Кавказѣ среди русскихъ лекарей, не поправившихся дядѣ Ерошкѣ, находился также и Пироговъ, который дѣлалъ свои первыя наблюденія надъ огнестрѣльными ранами; наблюденія, давшія значительный толчекъ къ дальнѣйшему

развитію военно-полевой хирургіи. Въ разсказѣ „Набѣгъ“ фигурирующій безымянный врачъ, съ засученными рукавами, зондомъ, бинтами и ободрительной улыбкой, находится около носилокъ раненаго прапорщика Аланина. Въ описываемой сценѣ, Толстой находитъ въ голосѣ присутствующаго здѣсь капитана Хлопова, звучащее нѣжное сочувствіе къ раненому, а въ обращеніи безымяннаго доктора отмѣчается *шутливо-небрежный тонъ*. Въ разсказѣ „Севастополь въ декабрѣ, маѣ и августѣ“ Толстой замѣчательно художественно воспроизвелъ колоссальную отвагу, молчаливую храбрость и стойкость простого русскаго солдата, мастерски рисуетъ намъ внутренніе психическіе монологи раненыхъ солдатъ, и жизнь различныхъ офицерскихъ типовъ: строевыхъ и штабныхъ, и ихъ отношеніе къ Севастопольской драмѣ. Описывая въ высшей степени возмутительную обстановку перевязочнаго пункта, Толстой нѣсколькими штрихами также коснулся и докторовъ. Но доктора здѣсь представляются какими-то холодными, бездушными, черствыми специалистами, которыхъ, повидимому, нисколько не трогаетъ окружающая, мрачная картина и душу раздирающіе стоны страдальцевъ, положившихъ свою жизнь за славу родины. Привожу подлинное описаніе: „Доктора съ засученными рукавами, стоя на колѣняхъ предъ ранеными, около которыхъ фельдшера держали свѣчи, осматривали, ощупывали и зондировали раны, не смотря на ужасные стоны и мольбы страдальцевъ. Одинъ изъ докторовъ сидѣлъ около двери за столикомъ и, въ ту минуту, какъ въ комнату вошелъ Гальцинъ, записывалъ уже 532-го. Иванъ Богаевъ, рядовой 3 роты С. полка, *fractura femoris complicata* кричалъ другой изъ конца залы, ощупывая разбитую ногу.—Переверни-ка его.

Ой, отцы мои, вы наши отцы, кричалъ солдатъ умолая, чтобъ его не трогали. *Perforatio capitis* Семенъ Нефердовъ подполковникъ № пѣхотнаго полка.—Вы немного потерпите, полковникъ, а то этакъ нельзя, я брошу, говорилъ третій, ковыряя какимъ-то крючкомъ въ головѣ несчастнаго подполковника. Ай, не надо, ради Бога скорѣй, скорѣй, скорѣй, скорѣе а-а-а-а. *Perforatio pectoris* Севастьянъ Середа, рядовой такого-то полка. Не пишите *moritur*. Несите его, сказалъ докторъ, отходя отъ солдата, который, закативъ глаза, хрипѣлъ уже“.

Подобная характеристика врачей, работавшихъ на перевязочномъ пунктѣ въ Севастополѣ, оставляетъ за собою впечатлѣніе, какъ будто врачи исполняли свои обязанности только *ex officio*, казеннымъ образомъ, въ границахъ дѣловой специальности, безъ всякаго, со своей стороны, живого, внутренняго, сердечнаго участія къ страданіямъ раненыхъ. Но это едва ли фактически вѣрно. На 4 бастіонѣ, около котораго концентрируется разсказъ Толстого, какъ разъ въ это же самое время, неумоимо работалъ безсмертный

Пироговъ. Сколько душевныхъ тревогъ, волненій и нравственной пытки перенесъ этотъ гуманнѣйшій врачъ при своей дѣятельности на Севастопольскихъ бастіонахъ, свидѣтельствуемъ намъ его письма изъ Севастополя. Письма, въ которыхъ нѣтъ ни поэтическихъ прикрасть, ни художественнаго вымысла,—а одна только голая фактическая правда, отъ которой сердце обливается кровью, и на душѣ является глубокая скорбь за небрежность и равнодушіе, со стороны высшей администраціи, къ судьбѣ раненыхъ, изъ рядовъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя. Изъ этихъ писемъ мы узнаемъ, съ какимъ самозабвеніемъ работали врачи при невозможной обстановкѣ тогдашнихъ, такъ называемыхъ, военно-земельныхъ госпиталей. Съ какимъ самоотверженіемъ и подвижничествомъ врачи пребывали по цѣлымъ днямъ въ гангренозныхъ палатахъ и другихъ очагахъ заразы, гдѣ многіе тутъ-же заражались и умирали. Самъ Пироговъ, оставаясь, съ 8 часовъ утра до 6 часовъ вечера, въ госпиталѣ, гдѣ, по его выраженію, кровь течетъ рѣками, возвращался къ себѣ на квартиру въ крови, въ поту и въ нечистотѣ. Возмущенный Пироговъ выражаетъ свою скорбь, что главнокомандующій ни разу не пришелъ взглянуть, какъ лежали на нарахъ скученные, заморенные, полусгнившіе легіоны; ни разу не пришелъ сказать какія-нибудь радужныя, утѣшительныя слова тѣмъ, которые легли на смерть. Но голосъ Пирогова—этого гуманнаго бойца за горькую участь раненыхъ—не проникъ тогда въ тѣ военно-штабныя сферы, гдѣ вращался Толстой, состоявшій тогда ординарцемъ при полевомъ штабѣ, мечтавшій, по свидѣтельству біографовъ, о полученіи георгіевскаго креста и предназначавшійся для посылки Царю Николаю съ докладомъ о Севастопольскихъ дѣлахъ. Раздававшіеся впервые вопли Пирогова не нашли себѣ еще тогда надлежащаго отклика въ этой штабной средѣ, гдѣ, по выраженію генерала Драгомирова, всегда бываетъ обиліе проходимцевъ и тщеславныхъ карьеристовъ, ищущихъ крестовъ и отличій насчетъ низшей, геройски умирающей братіи. Уже одно присутствіе Пирогова—этого величайшаго актива врачебной науки 19-го столѣтія—его сердечное участіе и неутомимая борьба за судьбу раненыхъ, придаетъ Севастопольскимъ врачамъ другую, благородную и гуманную окраску. Или смерть врачей въ госпитальныхъ палатахъ должна считаться менѣе достойной и храброй, чѣмъ смерть въ траншеяхъ отъ пуль и гранатъ? Здѣсь нельзя не замѣтить, что основное условіе всякаго художественнаго, литературнаго творчества состоитъ въ томъ, что писатель долженъ отзывать на многіе вопросы жизни. Толстой несомнѣнно далъ нашей литературѣ чудные художественные, полные талантливой наблюдательности, рассказы Севастопольской жизни; но въ этихъ очеркахъ чувствуется пробѣлъ, чувствуется то, что онъ оставилъ безъ всякаго вниманія, какъ от-

носило тогдашнее общество и государство къ этимъ раненымъ, какъ откликнулась окружающая среда на стоны страдальцевъ, положившихъ свою жизнь за славу родины. Этотъ пробѣлъ также чувствуется въ характеристикѣ Севастопольскихъ врачей, не удостоенныхъ вниманія Толстого.

Въ дальнѣйшихъ капитальныхъ твореніяхъ (Война и Миръ, Анна Каренина), въ которыхъ литературный талантъ Толстого достигъ аспе развитія, своего полного, художественнаго расцвѣта, отношеніе художника къ изображаемымъ врачамъ носить на себѣ еще болѣе отпечатокъ индифферентности, съ примѣсью какого-то предвзятаго предубѣжденія и ѣдкаго сарказма. Врачи здѣсь представлены торгашами-практиками, не обладающими ни одной симпатичной, человѣческой чертой, которая бы характеризовала ихъ личныя, индивидуальныя качества, ихъ личный, умственный и нравственный балансъ, по отношенію къ пользующимся больнымъ. Художникъ рисуетъ намъ схематически однихъ только профессиональныхъ лечителей, практиковавшихъ и промышлявшихъ медициной среди великосвѣтскаго барскаго круга, въ 1-ю половину 19-го столѣтія. Помимо общей отрицательной характеристики докторовъ, Толстой уже относится къ нимъ съ безпощадной ироніей, издѣвается надъ ними, какъ надъ представителями безполезной, по мнѣнію его, науки—медицины, и какъ надъ людьми недумаящими и недающими себѣ отчета во всемъ томъ, что ихъ окружаетъ, людьми жадными къ наживѣ и весьма сомнительной честности. Такъ при описаніи болѣзни Наташи Ростовой (Война и Миръ), Толстой рисуетъ врачей въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Доктора ѣздили къ Наташѣ и отдѣльно, и консилиумами, говорили много по-французски и по-нѣмецки, и по латыни; осуждали одинъ другого, прописывали самыя разнообразныя лекарства отъ всѣхъ имъ извѣстныхъ болѣзней; но ни одному изъ нихъ не приходила въ голову та простая мысль, что имъ не можетъ быть извѣстна та болѣзнь, которою страдала Наташа, какъ не можетъ быть извѣстна ни одна болѣзнь, которою одержимъ живой человѣкъ; ибо каждый живой человѣкъ имѣетъ свои особенности и всегда имѣетъ особенную и свою новую, сложную, неизвѣстную медицинѣ, болѣзнь, не болѣзнь легкихъ, печени, кожи, сердца, нервовъ и т. д., записанную въ медицинѣ, но болѣзнь, состоящую изъ одного, изъ безчисленныхъ соединеній страданій этихъ органовъ. Эта простая мысль не могла приходить докторамъ потому, что ихъ дѣло въ жизни состояло въ томъ, чтобы лечить, потому что за то они получали деньги, и потому что на это дѣло потратили лучшіе годы своей жизни“.

Произнося такой рѣзкій и рѣшительный приговоръ надъ медициной, Толстой въ дальнѣйшемъ изложеніи, тѣмъ не менѣе признаетъ за медициной извѣстное право на существованіе; но не въ

смыслъ активнаго воздѣйствія на больного, а въ смыслъ воображаемаго, фиктивнаго фактора, удовлетворяющаго только одной нравственной потребности больной и окружающихъ людей, любящихъ больную. Приведенныя разсужденія по поводу болѣзни Наташи Ростовой указываютъ лишь на то, что Толстой вполне игнорируетъ историческій ходъ развитія врачебнаго мышленія. Въ подобныхъ разсужденіяхъ, пожалуй, скорѣе сказывается неправильное толкованіе, а можетъ быть, и недостаточное знакомство Толстого съ руководящими идеями, лежащими въ основѣ медицинскихъ воззрѣній съ самыхъ отдаленныхъ временъ, начиная отъ Гиппократѣ до нашихъ дней. Параллельно съ подробнѣйшимъ изученіемъ человѣка и всѣхъ его анатомическихъ, фізіологическихъ и біологическихъ особенностей, во всевозможныхъ условіяхъ жизни, медицина никогда не переставала стремиться къ наилучшему выполненію своей основной задачи, а именно: быть полезнымъ ближнему, приходить къ нему на помощь въ тяжелые моменты его страданій, охранять жизнь какъ высшее благо человѣка. Проблема научной медицины всегда заключалась не въ леченіи отдѣльныхъ болѣзней, а въ леченіи цѣлаго человѣка, страдающаго тѣми или другими болѣзнями. Главнѣйшимъ объектомъ медицины всегда былъ и будетъ человѣкъ, а не отдѣльно взятая болѣзнь.

Для большаго якобы разъясненія и подтвержденія своего приговора надъ медициной, Толстой приводитъ симптомы Наташиной болѣзни, которой врачи будто-бы не поняли и даже, по его мнѣнію, не въ состояніи были понять. Признаки болѣзни Наташи состояли въ томъ, что она „мало ѣла, мало спала, кашляла и никогда не оживлялась. Доктора говорили, что больную нельзя было оставить безъ медицинской помощи, и поэтому въ душномъ воздухѣ держали ее въ городѣ, и Ростовы въ 1812 году лѣтомъ не выѣзжали въ деревню“. Изъ цитированнаго эпизода о болѣзни Наташи получается крайне невыгодное представленіе о врачахъ, пользовавшихся ею. Прежде всего выходитъ, что врачи эти обнаруживаютъ свою полную несостоятельность, въ смыслѣ своей врачебной опытности и наблюдательности, не распознавъ даже такой простой, далеко не сложной, эфемерной формы заболѣванія; между тѣмъ какъ діагнозъ въ данномъ случаѣ былъ слишкомъ ясенъ, если допустить, что пользовавшіе врачи не могли не знать тѣхъ условій и событій, которыя предшествовали въ жизни Наташи Ростовой, предъ тѣмъ какъ она заболѣла. Экзальтированная, дѣтски-наивная, воспитанная и выхваленная на барскихъ дрожжахъ Наташа Ростова, способная, въ силу наступившаго періода полового влеченія, влюбляться въ каждаго встрѣчнаго мужчину изъ ея аристократическаго круга, вздумала, послѣ того какъ была сосватана съ княземъ Андреемъ, бѣжать съ увлечшимъ ее, физически болѣе привлекательнымъ, Ана-

толіемъ Курагинымъ. Неудивительно, что послѣ такого скандала въ благородномъ семействѣ у жизнерадостной, безмятежной барышни, въ результатѣ пережитыхъ ею горькихъ минутъ, въ особенности послѣ отказа жениха, явилось глубокое раздумье и отчаяніе, выразившіяся въ формѣ переходящаго меланхолическаго настроенія, подорвавшаго на время ея житейское благополучіе. Неудивительно, что послѣ такого житейскаго пассажа, плотски-очаровательная Наташа нѣсколько взгрустнула, распѣвала навѣрно жестокіе романсы на тему „Не искушай меня безъ нужды“ или „Не уѣзжай голубчикъ мой“, мало ѣла, мало спала и никогда не оживлялась. Но изъ нарисованной картины болѣзни Наташи съ фигурирующими здѣсь врачами, какъ бы реальна она ни была въ художественномъ отношеніи (*Dichtung*), далеко не видно, чтобы она могла служить истиннымъ (*Wahrheit*) конкретнымъ доказательствомъ безсилія медицины и незнанія врачей. Картина эта, безъ прибавленныхъ къ ней личныхъ разсужденій Толстого, скорѣе иллюстрируетъ намъ тѣ сплошныя недоразумѣнія, тотъ взаимный обманъ, который нерѣдко проявляется во врачебной практикѣ, а также и тѣ произвольныя, поверхностныя, ничѣмъ не обоснованныя сужденія, которыя обычно преобладаютъ въ приговорахъ, произнесенныхъ не врачебною, и даже подчасъ весьма интеллигентною публикой надъ медициною и врачами.

Полное отрицаніе и недовѣріе къ врачамъ не менѣе рельефно выражено Толстымъ при описаніи болѣзни Пьера Безухова: „Съ нимъ сдѣлалась, какъ говорили доктора, желчная горячка. Не смотря на то, что доктора лечили его, пускали кровь и давали пить лекарства, онъ все-таки выздоравлилъ“. Тутъ же разсказывается, не безъ ироніи, слѣдующее: „Докторъ, лечившій Пьера и навѣщавшій его каждый день, несмотря на то, что по обязанности докторовъ считалъ долгомъ имѣть видъ человѣка, каждая минута котораго драгоценна для страждущаго человечества, засиживался часами у Пьера, разсказывая свои любимыя исторіи и наблюденія надъ правами больныхъ вообще и въ особенности дамъ“. Далѣе, одинъ изъ главныхъ героевъ романа князь Андрей, въ бесѣдѣ съ Пьеромъ, высказывается о леченіи крестьянъ и о медицинѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „У него (крестьянина) ударъ, и онъ умираетъ, а ты пустилъ ему кровь, вылѣчилъ, — онъ калѣжкой будетъ ходить десять лѣтъ, всѣмъ въ тягость. Гораздо покойнѣе и проще ему умереть. Другіе родятся и такъ ихъ много. Если бы ты жалѣлъ, что у тебя лишній работникъ пропалъ, какъ я смотрю на него, а то ты изъ любви же къ нему его хочешь лечить. А ему этого не нужно. Да и что за воображеніе, что медицина кого-нибудь и когда-нибудь вылечивала. Убивать такъ“. Рядомъ съ такими безнадежными изреченіями о бесполезности и безсиліи медицины у закоренѣлаго крѣпостника, князя Андрея,

не хотѣвшаго лечить крестьянъ, является совершенно другое внутреннее, душевное состояніе и другое отношеніе къ медицинѣ, при подачѣ ему врачебной помощи, когда онъ очутился раненымъ на перевязочномъ пунктѣ. Барскія вожделѣнія выплываютъ наружу, когда дѣло касается собственной персоны князя Андрея и правдивое творчество художника Толстого, со свойственной ему ничѣмъ неподкупной откровенностью, рисуетъ намъ слѣдующее: „Раздѣть, крикнулъ докторъ сердито на фельдшеровъ, что стоите. Самое первое далекое дѣтство вспомнилось князю Андрею, когда фельдшеръ торопившимися, засученными руками растегивалъ ему пюговцы и снималъ съ него платье. Докторъ низко нагнулся надъ раной, ощупалъ ее и тяжело вздохнулъ. Потомъ онъ сдѣлалъ знакъ кому-то. И мучительная боль внутри живота заставила князя Андрея потерять сознание. Когда онъ очнулся разбитыя кости бедра были вынуты, клочки мяса отрѣзаны и рана перевязана. Ему прыскали въ лицо водою. Какъ только князь Андрей открылъ глаза, докторъ нагнулся надъ нимъ, молча поцѣловалъ его въ губы и поспѣшно отошелъ. Послѣ перенесеннаго страданія князь Андрей чувствовалъ блаженство, давно не испытанное. Всѣ лучшія счастливійшія минуты въ его жизни, въ особенности самое далекое дѣтство, когда его раздѣвали и клали въ кровать, когда няня, убаюкивая, пѣла надъ нимъ, когда, зарывшись головою въ подушки, онъ чувствовалъ себя счастливымъ однимъ сознаніемъ жизни, представлялись его воображенію, даже не какъ прошедшее, а какъ дѣйствительность“. Къ приведенному весьма трогательному описанію внутренняго душевнаго состоянія раненаго, послѣ полученнаго имъ облегченія отъ врачебной помощи, что бы еще можно было прибавить, если бы при этомъ принять во вниманіе и вспомнить тотъ громадный прогрессъ и тѣ усовершенствованія, которыя произошли въ уходѣ и леченіи больныхъ и раненыхъ, благодаря главнымъ образомъ стремленіямъ врачей и неоспоримымъ успѣхамъ врачебной науки, благодаря колоссальнымъ заслугамъ Пирогова, Листера, Эсмарха и многихъ другихъ, обогатившихъ врачебную науку наркозомъ, асептикой и сбереженіемъ человѣческой крови.

При этомъ нельзя также не подчеркнуть, что даже и тутъ, при описаніи врачебной помощи, оказанной князю Андрею, Толстой не преминулъ всетаки указать на несимпатичную черту безымяннаго врача, черту, выразившуюся въ поцѣлуѣ высокопоставленнаго раненаго барина. На этотъ поцѣлуй никоимъ образомъ нельзя смотрѣть, какъ на выраженіе нѣжнаго сердечнаго участія врача къ раненому, а скорѣе какъ проявленіе рабскаго низкопоклонства и угодничества предъ важнымъ бариномъ со стороны нарицательнаго врача, который въ очеркахъ „Севастополя“ представленъ такимъ суровымъ и холоднымъ въ обращеніи съ простыми ранеными

изъ обыкновенныхъ смертныхъ. Хотя съ другой стороны нельзя также не отдавать справедливости художественному чутью Толстого, который этимъ ѣдкимъ сарказмомъ затронулъ ту щекотливую дилемму, которая, къ сожалѣнію, въ обиходѣ практической жизни разрѣшается не всегда одинаково правильно, а въ зависимости отъ субъективныхъ наклонностей врачей *индивидуализировать* свое обращеніе съ больными.

Разсказывая о знаменитомъ насморкѣ Наполеона предъ Бородинской битвой, Толстой заставляетъ Наполеона высказываться о медицинѣ также въ отрицательномъ смыслѣ. Но слова Наполеона свидѣлствуютъ только о крайне узкомъ и одностороннемъ пониманіи задачъ медицины, состоящихъ будто-бы въ одной только фабрикаціи рецептовъ отъ разныхъ болѣзней. „Этотъ насморкъ надоѣлъ мнѣ. Они толкуютъ про медицину. Какая медицина, когда они не могутъ вылечить насморкъ. Корвизаръ далъ мнѣ эти пастилки, но онѣ ничего не помогаютъ. Что они могутъ лечить? Лечить нельзя. Наше тѣло есть машина для жизни. Оно для этого устроено. Въ этомъ состоитъ его природа. Оставьте въ немъ жизнь въ покоѣ, пускай она сама защищается, она больше сдѣлаетъ, чѣмъ вы ея будете пичкать лекарствами“. Приведенныя изреченія о медицинѣ вложенныя Толстымъ въ уста Наполеона, безъ сомнѣнія, заключаютъ въ себѣ художественную правду, ибо Наполеонъ, какъ величайшій полководецъ и стратегъ, отлично умѣвшій, по собственному признанію, презирать чужую жизнь, былъ совершенно чуждъ высокимъ идеямъ и стремленіямъ гуманитарной медицины. Наполеонъ, разсматривавшій своихъ солдатъ только съ точки зрѣнія пушечнаго мяса, по своему міросозерцанію не могъ совмѣщать въ себѣ возвышенныхъ взглядовъ и воззрѣній на врачей, а признавалъ за ними исключительную роль кропателей рецептовъ. Это лучше всего подтверждается фактами, рисующими отношенія Наполеона къ судьбѣ больныхъ и раненыхъ своихъ армій. Оцѣнка Наполеоновскихъ воззрѣній на врачебную помощь можетъ быть выражена слѣдующими, не очень давно опубликованными, фактами. Главный врачъ французской арміи, во время Египетской экспедиціи, подъ начальствомъ генерала Бонапарта, разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующее: „27 флореаля, въ VII году, я былъ рано утромъ приглашенъ къ генералу Бонапарту въ его палатку, гдѣ онъ только находился со своимъ начальникомъ штаба Бертье. Послѣ краткаго вступленія, коснувшись санитарнаго состоянія арміи, генералъ Бонапартъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: Я, будучи на вашемъ мѣстѣ, покончилъ бы однимъ ударомъ страданія нашихъ чумныхъ, больныхъ солдатъ, и этимъ устранилъ бы опасность, угрожающую всѣмъ прочимъ; я давалъ бы чумнымъ больнымъ побольше опія. На это предложеніе я отвѣтилъ, что мой

долгъ состоитъ въ сохраненіи жизни солдата. Генераль Бонапартъ съ большимъ хладнокровіемъ продолжалъ развивать свои мысли, говоря при этомъ, я совѣтую дѣлать то, что я въ подобномъ случаѣ производилъ бы надъ самимъ собою. Я не желаю пробовать преодолѣть вашу нерѣшительность, но я надѣюсь найти такихъ людей, которые лучше поймутъ и оцѣнятъ мое предложеніе. И дѣйствительно, какъ оказалось, чумнымъ больнымъ давались большія, отравляющія дозы опія, помимо доктора Дженета, къ которому Наполеонъ перемѣнилъ съ тѣхъ поръ свое прежнее благоволеніе“.

Отношеніе Наполеона къ раненымъ весьма рельефно характеризуется въ мемуарахъ другихъ выдающихся современниковъ. Шатобріанъ, напримѣръ, говоритъ, что Наполеонъ смотрѣлъ на своихъ раненыхъ, какъ на лишнее бремя. Директоръ военныхъ госпиталей Гапдъ, въ опубликованныхъ имъ мемуарахъ, описываетъ въ своей брошюрѣ, что послѣ боя подъ Люценомъ, вся семья Бонапарта въ 60 экипажахъ летѣла, очертя голову, по полю битвы, попирая безжалостно копытами своихъ лошадей раненыхъ французовъ. Ни раздирающіе крики несчастныхъ, ни обезображенные тѣла на этомъ полѣ смерти, ни страшный хрустъ костей, ни ручьи крови, брызги которыхъ долетали до кучеровъ, ничто не могло замедлить убійственнаго бѣга этихъ безчеловѣчныхъ холоповъ. Этому возмутительному поступку поданъ примѣръ самимъ Наполеономъ, который остановился подъ Элау въ одномъ замкѣ, дворъ котораго былъ заваленъ массой раненыхъ и умершихъ. „Избавьте меня отъ этого зрѣлища“ воскликнулъ Наполеонъ, выходя изъ кареты, и 800 раненыхъ были наскоро уложены въ фургоны для удаленія изъ этого замка. И изъ этихъ 800 раненыхъ доставлены были живыми только 150 человекъ, остальные задохлись и погибли въ наглухо запертыхъ фургонахъ. Въ виду этихъ фактовъ, можно себѣ представить, какія понятія свойственны были Наполеону о наукѣ, занимающейся облегченіемъ страданія ближняго. Я нѣсколько уклонился въ сторону для характеристики воззрѣнія Наполеона на медицину, потому что Толстой вполне раздѣляетъ эти воззрѣнія, какъ видно изъ слѣдующаго: Не признавая въ своихъ разсужденіяхъ за Наполеономъ никакого военнаго таланта, который навязывается ему военными историками и специалистами, Толстой отрицаетъ всякое вліяніе Наполеона на ходъ военныхъ событій, и по этому поводу выражается такъ: „Наполеонъ не видѣлъ того, что онъ, въ отношеніи своихъ войскъ, играетъ роль доктора, который мѣшаетъ своими лекарствами, роль, которую онъ такъ *вѣрно* понималъ“. Необходимо также присовокупить здѣсь, что понятія и взгляды Наполеона на медицину, одобряемые Толстымъ, также не оригинальны и представляютъ собою отраженіе тѣхъ воззрѣній, которыя существовали гораздо раньше среди самихъ врачей виталистовъ, ани-

мистовъ и ястромеханиковъ, когда во врачебномъ мышленіи преобладали элементы дедуктивной метафизики съ примѣсю религіознаго суевѣрія.

Ироническое отношеніе Толстого къ врачамъ выразилось еще интенсивнѣе въ извѣстномъ романѣ „Анна Каренина“. Тема, послужившая поводомъ для выведенія на сцену врачей та же самая, что въ романѣ „Война и Миръ“, только съ маленькими, едва замѣтными варіаціями. Аналогично Наташѣ Ростовой изъ Войны и Мира, княжна Кити Щербатская пренебрегла хорошимъ человѣкомъ Левинымъ и, подъ нѣкоторымъ давленіемъ своей матери, увлеклась свѣтскимъ, но пустымъ гвардейскимъ офицеромъ Вронскимъ, который сначала, какъ будто, интересовался ею, но потомъ пересталъ ухаживать за ней и коварно замѣнилъ ее замужней Анной Карениной. Такая жестокая неудача въ жизни великосвѣтскаго круга барышни при отыскиваніи себѣ жениха, произвела на нее удручающее впечатлѣніе, повергла ее въ отчаяніе и надорвала, конечно, ея физическое здоровье, до первой возможности получить другого жениха. Казусъ, происшедшій съ Кити Щербатской, представляетъ собою стереотипное повтореніе амурнаго происшествія съ Наташей Ростовой. Та же этиологія и тотъ же Status praesens картины болѣзни. Близкіе родные Кити, а въ особенности отецъ ея, мало-свѣдующій въ медицинѣ и называющій консультирующаго профессора пустобрехомъ, отлично сознавали и понимали причину нездоровья дочки, но не имѣя пока возможности устранить ее, лицемерно, въ самообманѣ обращаются якобы за помощью къ врачамъ, пользующимся особой популярностью, по словамъ Толстого не заслуженной, въ ихъ барскомъ аристократическомъ кругу. Врачи изъ Анны Карениной также корыстолюбивы, жадны и лживы. Имъ также суютъ въ руки золотыя монеты. При описаніи консилиума, знаменитый профессоръ все смотритъ на свои крупные золотые часы и на самомъ интересномъ мѣстѣ бесѣды, онъ справляется у своего коллеги, наведенъ ли Яузскій мостъ, для того чтобы скорѣе попасть къ другому больному. Фигурирующие, въ романѣ „Анна Каренина“, практикующіе врачи, принадлежатъ къ нѣсколько болѣе новѣйшей формаціи; они не прибѣгаютъ къ рутинному прописыванію порошковъ и микстуръ, какъ описано было въ романѣ „Война и Миръ“, не ограничиваются уже опредѣленіемъ болѣзни *par distance*, а настаиваютъ на необходимости подробнаго, объективнаго, физическаго изслѣдованія больной Кити. И это врачебное новшество, вызвавшее тогда, какъ мнѣ еще хорошо помнится, нѣкоторую сенсацию среди фешенебельной, комильфотной и мало развитой публики, послужило новою мишенью для ѣдкой ироніи, со стороны Толстого.

„Знаменитый доктор“, пишет Толстой, „не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовалъ осмотра больной. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ, казалось, настаивалъ на томъ, что дѣвичья стыдливость есть только остатокъ варварства, и что нѣтъ ничего естественнѣе какъ то, чтобы еще не старый мужчина ощупывалъ молодую, обнаженную дѣвушку“. Не придавая никакого значенія мірской наукѣ вообще и врачебной въ особенности, Толстой относится къ методу объективнаго, физическаго изслѣдованія больныхъ также скептически и отрицательно, какъ ко всѣмъ прочимъ успѣхамъ человѣческихъ знаній. Но въ описанномъ консилиумѣ нельзя еще не замѣтить, что кромѣ сарказма, Толстой придаетъ пріемамъ физическаго изслѣдованія больныхъ женщинъ нѣкоторый оттѣнокъ скабрзности и *деморализаціи*. Подобнаго рода упрекъ, брошенный врачамъ и медицинѣ, едва-ли заслуживаетъ серьезнаго возраженія, и какъ ненужный, отжившій анахронизмъ подлежитъ сдачѣ въ архивный складъ человѣческихъ заблужденій и предрасудковъ. Не будемъ говорить здѣсь о тѣхъ громадныхъ результатахъ, которые получились въ дѣлѣ распознаванія человѣческихъ страданій съ тѣхъ поръ, какъ медицина стала пользоваться точными физическими методами изслѣдованія. Для этого имѣется слишкомъ много убѣдительныхъ фактовъ и доказательствъ. Безсмертныя заслуги Ауэнбрюгера, Ленэка, Шюды, Траубе, С. П. Боткина, поработавшихъ надъ введеніемъ объективнаго изслѣдованія больныхъ, слишкомъ извѣстны намъ. Чувство женской стыдливости, само по себѣ взятое, представляетъ собою далеко неопредѣленное и весьма растяжимое понятіе, зависящее отъ массы разнообразныхъ условій, привычекъ, характера воспитанія и тѣхъ или другихъ установившихся взглядовъ на различныя жизненныя явленія, въ каждой данной обстановкѣ. Плоско въ своемъ классическомъ трудѣ о женщинѣ, на основаніи многочисленныхъ, историческихъ и этнологическихъ изслѣдованій и сопоставленій, приходитъ къ тому заключенію, что женская стыдливость едва-ли можетъ считаться врожденнымъ челоѣку чувствомъ; скорѣе она представляетъ собою наклонность, свойственную челоѣку воспринимать и подчиняться разнымъ этическимъ понятіямъ, зарождающимся на почвѣ разнообразныхъ условій каждой данной обстановки. Напримѣръ, у дѣйствительно больныхъ женщинъ, одержимыхъ какими-нибудь тяжелыми, органическими страданіями, чувство стыдливости, въ силу цѣпкой привязанности къ жизни и стремленій къ врачебной помощи, едва-ли существуетъ, а скорѣе совершенно отсутствуетъ. Напротивъ того, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, женская стыдливость проявляется въ утрированной, уродливой формѣ, на почвѣ ложныхъ отношеній, свѣтской фальши и взаимнаго обмана, скорѣе у мнимо-больныхъ съ

воображаемыми болѣзнями, чѣмъ у дѣйствительно больныхъ женщинъ. Поэтому, съ точки зрѣнія здраваго смысла и искренняго желанія помощи страждущимъ, было бы въ высшей степени нелѣпо отказаться отъ распознаванія болѣзни, путемъ болѣе точныхъ физическихъ изслѣдованій, въ угоду какимъ-то условнымъ и ложнымъ понятіямъ, привитымъ неразумнымъ воспитаніемъ о женской стыдливости. Что было бы со многими роженицами, при ненормальныхъ родахъ, если бы изъ-за ложнаго стыда онѣ отказались бы отъ врачебнаго изслѣдованія и вмѣшательства; или въ подобныхъ случаяхъ слѣдовало бы предоставить свободу дѣйствія разнымъ повитухамъ-знахаркамъ, которыя встрахиваютъ и вѣшаютъ вверхъ ногами роженицу, или проталкиваютъ ее черезъ хомутъ, для исправленія и ускоренія неправильныхъ родовъ? У многихъ первобытныхъ, съ неподвижной культурой, восточныхъ народовъ, у которыхъ женщина низведена на степень вещи и предмета забавы, нормальные звуки голоса, открытое лицо и обнаженные волосы причисляются также къ явленіямъ женской стыдливости и полового соблазна. Но подобное азіатское, гаремное, если можно такъ выразиться, отношеніе къ женщинѣ, въ глазахъ культурнаго человѣка не можетъ имѣть никакой нравственной цѣнности и носить на себѣ лишь отпечатокъ первобытнаго невѣжества.

При дальнѣйшемъ чтеніи романа „Анна Каренина“ приходится все больше убѣждаться, что гдѣ только описывается фактъ, сопрягающійся съ медициной, Толстой не пропускаетъ случая, въ формѣ ли неблагозвучнаго эпитета или злобнаго сарказма, чтобы не представлять врачей въ смѣшномъ и жалкомъ видѣ. Среди цѣлаго ряда художественныхъ анализовъ, въ этомъ замѣчательномъ произведеніи, получается какой-то рѣзкій диссонансъ, отъ котораго осягается впечатлѣніе, какъ будто Толстой одержимъ какимъ то специфическимъ чувствомъ и огульнымъ предубѣжденіемъ противъ всѣхъ вообще врачей и врачебной науки, предубѣжденіемъ не лишеннымъ, конечно, сопутствующихъ ему явныхъ несправедливостей и противорѣчій. Подтвержденіемъ сказанному можетъ служить слѣдующее сопоставленіе. Няня и экономка Левина понесла въ подвалъ банку съ солеными грибами, поскользнулась, упала и ушибла себѣ руку въ кистевомъ суставѣ. Пріѣхалъ, пишетъ Толстой, молодой *болтливый*, только что окончившій курсъ, земскій врачъ. Онъ осмотрѣлъ руку и сказалъ, что не вывихнута; при этомъ наслаждался бесѣдой съ знаменитымъ братомъ Левина Кознышевымъ, и, чтобы показать свой просвѣщенный взглядъ, рассказывалъ ему всѣ уѣздныя сплетни (точь въ точь, какъ врачъ Пьера Безухова изъ Войны и Мира), жалуясь на дурное положеніе земскаго дѣла и тутъ же, въ спорѣ съ братомъ, относительно устройства врачебныхъ пунктовъ, Левинъ—этотъ alter-ego Тол-

Стого — высказываетъ, что онъ не вѣритъ въ медицину, и что рука няни, къ которой прѣзжалъ докторъ, останется кривою“. Не взирая однакожь на свое безвѣріе въ медицину, этотъ самый Левинъ, во время родовъ жены Кити, бѣжитъ рано утромъ къ доктору и, когда онъ застаётъ его спящимъ, даётъ лакею 10 рублей, чтобы онъ разбудилъ доктора и при этомъ удивляется, что докторъ причесывается и пьётъ кофе въ то время, когда его Кити должна родить.⁰⁶

Въ наиболѣе рѣзкой формѣ антагонизмъ Толстого противъ врачей и медицины выразился въ Крейцеровой сонатѣ. Не входя здѣсь по существу въ разборъ тѣхъ идей и воззрѣній, которыя высказываются и проповѣдываются Толстымъ въ этомъ произведеніи, я позволю себѣ коснуться ихъ лишь настолько, насколько онѣ относятся къ интересующему насъ вопросу, а именно: дѣйствительно ли врачи и медицина имѣютъ то зловерное вліяніе, которое Толстой отводитъ имъ въ постановкѣ рѣшенія полового вопроса въ современной жизни. При чтеніи этого разсказа получается прежде всего какое-то странное недоумѣніе. Съ одной стороны Толстой, со свойственнымъ ему художественнымъ реализмомъ, рисуетъ намъ въ этомъ разсказѣ типъ явнаго, часто встрѣчающагося психопата, со всѣми оттѣнками его заболѣвшей души, подъ вліяніемъ аномальныхъ условій воспитанія, образа жизни и крайне неправильнаго брака; а съ другой — устами этого же психопата, Толстой, при довольно замѣтной съ нимъ солидарности, пользуется для изложенія своего мистически-религіознаго настроенія и своихъ спекулятивныхъ воззрѣній на жизнь вообще и на половыя побужденія современнаго человѣка, въ особенности. Подобная логическая несовмѣстимость, повидимому, признана самимъ Толстымъ такъ какъ за Крейцеровой сонатой, онъ, для большаго выясненія своихъ субъективно-аскетическихъ взглядовъ на жизнь, счелъ необходимымъ напечатать Послѣсловіе, въ которомъ онъ въ формѣ бичующей проповѣди, формулируетъ вкратцѣ все то, что онъ хотѣлъ высказать въ своемъ разсказѣ.

Въ лицѣ героя Позднышева, какъ я уже сказалъ, мы имѣемъ предъ собою человѣка крайне неуравновѣшеннаго и пожалуй, одержимаго, можно сказать, значительной психической ранимостью. Въ разсужденіяхъ его, а также въ его внѣшнихъ пріемахъ и манерахъ, то и дѣло выступаютъ симптомы довольно ясно выраженной психостенія. Возбужденный, и до-нельзя раздражительный, съ неравномѣрнымъ дыханіемъ, съ явленіями свѣтобоязни и бессонницы, оправданный судомъ послѣ совершеннаго убійства своей жены, Позднышевъ, въ вагонѣ желѣзной дороги предъ незнакомымъ ему спутникомъ, ведетъ длинный, томительный разсказъ о своемъ печальномъ прошломъ.

Излагая въ мрачныхъ краскахъ исторію своего сексуальнаго пробужденія, потери цѣломудрія и отношенія къ этому явленію со стороны окружающей его общественной среды, Позднышевъ резонируетъ объ этомъ, весьма старомъ и вѣчно новомъ, вопросѣ съ такимъ субъективно-удручающимъ его тономъ и въ такой озлобленной непримиримо-пессимистической формѣ, что при этомъ не только получается впечатлѣніе, какъ будто фактъ порочныхъ сексуальныхъ побужденій и наклонностей людей зародился лишь въ очень недавнее время, подѣ влияніемъ только новѣйшаго фазиса человѣческой культуры, и что точно Позднышевъ самолично открылъ это грустное, отрицательное явленіе въ жизни современнаго ему общества. Въ порывѣ своего негодованія и тяжелаго самочувствія, развившагося на почвѣ измучившей его до-нельзя болѣзненной ревности и цѣлаго ряда психопатическихъ помысловъ и несуразныхъ поступковъ, для подтвержденія правильности своихъ сужденій, Позднышевъ выхватываетъ отдѣльные отрывочные и односторонніе факты изъ жизни людей и животныхъ и, между прочимъ, также неумѣло ссылается на характеръ проявленія полового инстинкта у животныхъ, выставляетъ этотъ инстинктъ, какъ образецъ и примѣръ въ назиданіе человѣку, этому царю природы, и приходитъ къ тому печальному и роковому заключенію, что абсолютное цѣломудріе должно считаться идеаломъ и конечною цѣлью человѣка, въ видахъ неминуемаго, ранняго или поздняго прекращенія рода человѣческаго.

Въ числѣ главныхъ сподвижниковъ сексуальной порочности, господствующей въ современномъ обществѣ, Позднышевъ, и за спиной его самъ Толстой, считаетъ, говоря его словами, жрецовъ науки, т. е. врачей и ложную науку медицину, которые будто бы признаютъ проституцію полезной для здоровья, поощряютъ ее и покровительствуютъ ей за деньги своимъ леченіемъ. По мнѣнію Позднышева, регулируя проституцію исключительно якобы въ цѣляхъ предохраненія мужчинъ отъ зараженія при своихъ половыхъ эксцессахъ, врачи и медицина eo ipso становятся сѣятелями безнаказаннаго разврата въ обществѣ. Съ особенною увѣренностью Позднышевъ далѣе утверждаетъ „Что если бы 0,01 этихъ усилій, которыя положены на леченіе сифилиса, были положены на искорененіе разврата, сифилиса давно бы не было и помину. А то усилія употреблены не на искорененіе разврата, а на поощреніе его, на обезпеченіе безопасности разврата“. Но подобное смѣшиваніе причинъ со слѣдствіями въ размысленіяхъ Позднышева едва-ли требуетъ серіознаго возраженія. Не прибѣгая вовсе къ тѣмъ даннымъ, которыя имѣются о природѣ полового побужденія человѣка во многихъ отрасляхъ знанія, не вдаваясь въ разборъ того, что изслѣдовано, разработано и констатировано по половому

вопросу людьми науки, или, какъ Толстой выражается, книжниками; элементарныя разсужденія Позднышева теряютъ свой смыслъ и значеніе отъ малѣйшаго приложенія къ нимъ самыхъ обыденныхъ, общеизвѣстныхъ, объективныхъ фактовъ, записанныхъ въ исторіи. Кому, напримѣръ, неизвѣстно, что проституція въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ существовала и, можно сказать, даже процвѣтала во всѣ времена исторіи у всѣхъ культурныхъ народовъ. Достаточно вспомнить древній патріархальный обычай гостепріимной проституціи, когда глава семейства предлагалъ гостю дочку или жену. Мудрый Соломонъ завелъ у себя цѣлые гаремы безъ всякаго протеста со стороны Егвы. Въ Египтѣ обычно молодыя дѣвушки добывали себѣ приданое проституціей. Пирамида Хеопса обязана своимъ существованіемъ проституціи дочерей этого царя. Въ Греціи гетеры были даже въ гораздо большемъ почетѣ, чѣмъ замужнія женщины. Въ Вавилоніи каждая женщина разъ въ жизни должна была отдаваться за деньги чужестранцу въ храмѣ Венеры. Греческій законодатель мудрый Солонъ учредилъ для народа дома терпимости съ рабынями. Не лучше было обставлено это дѣло въ Римѣ. Римляне имѣли государственныя дома терпимости, такъ называемыя Лупанары. У нихъ были также и частныя проститутки. Въ Индіи дѣвушки отдаются жрецамъ, какъ представителямъ бога, и при этомъ пользуются даже почетомъ какъ служительницы храма. Въ средніе вѣка, особенно во время крестовыхъ походовъ, проституція была распространена въ весьма широкихъ размѣрахъ, даже Констанцкій соборъ первокласснаго духовенства привлекъ къ себѣ 1500 проституттокъ. Въ средніе вѣка нерѣдко устраивались въ городахъ дома терпимости, доходы съ которыхъ служили княжеской и подчасъ церковной регаліей. Словомъ проституція, какъ продуктъ половыхъ побужденій и наклонностей человѣка, и какъ элементъ того или другого социально-экономическаго строя, всегда существовала въ жизни народовъ; ибо причины, вліяющія на развитіе и поддержаніе въ обществѣ разврата и проституціи также многообразны, какъ многообразна и сама общественная жизнь человѣка. Мало того, извѣстно что съ самой отдаленной древности, половыя побужденія человѣка большею частью выражались въ полигамической формѣ. Первобытный человѣкъ, говоритъ Летурно, при полномъ чисто-животномъ отсутствіи стыдливости, имѣетъ полигамическія наклонности, что весьма естественно, такъ какъ онъ происходитъ отъ антропоморфныхъ предшественниковъ, которымъ присуща полигамія. Если такимъ образомъ полигамическія наклонности свойственны человѣку на протяженіи всей исторіи и даже

въ до-историческія эпохи, если въ современномъ человѣчествѣ насчитываются сотни милліоновъ людей, живущихъ въ полигаміи, то спрашивается, при чемъ же здѣсь медицина и врачи, въ силу чего Толстой приписываетъ упадокъ половой этики въ обществѣ, главнымъ образомъ, ихъ вліянію? Если уже привлекать огульно врачей и медицину къ моральной отвѣтственности за распространеніе сексуальныхъ злоупотребленій и плотскихъ вождельній въ обществѣ, то было бы весьма любопытно знать, въ какихъ научныхъ руководствахъ и сочиненіяхъ, и съ какой медицинской кафедры проповѣдывалось когда-либо о томъ, что половое воздержаніе вообще особенно вредно для здоровья человѣка, и что цѣломудріе вреднѣе, чѣмъ половая распущенность? Какъ извѣстно, половыя похождения людей всегда, и въ прежнія времена, можетъ быть, больше, чѣмъ въ наше время, имѣли далеко не цѣломудренный характеръ, о чемъ иллюстрируетъ намъ извѣстное сказаніе въ евангеліи о Христѣ и блудницѣ: „Пускай тотъ броситъ первый камень въ грѣшницу, кто самъ безгрѣшенъ; и никто не бросилъ“. Что половая распущенность процвѣтала въ различныя эпохи и можетъ процвѣтать въ каждомъ данномъ кругу населенія, помимо или скорѣе при полномъ отсутствіи всякаго вліянія со стороны врачей и медицины, свидѣтельствуетъ намъ исторія среднихъ вѣковъ. Въ ту мрачную эпоху варварства и мракобѣсія врачебная наука, можно сказать, совершенно застыла и пришла въ окончательный упадокъ. Вся медицина состояла тогда въ схоластическомъ толкованіи сочиненій древнихъ врачей. Во врачебной наукѣ не было тогда замѣтно никакого движенія научной мысли, и она опустилась на степень исключительнаго индивидуальнаго служенія и угодничанья феодаламъ, рыцарямъ и другимъ сильнымъ міра сего; она была лишена всякой инициативы и вліянія на народную и общественную жизнь, и мы какъ разъ видимъ наоборотъ, что такъ называемыя сладострастные болѣзни, вслѣдствіе общей половой распущенности, принимали самые широкіе, можно сказать, самые чудовищные, пандемическіе размѣры. Войско Карла VIII вовсе не имѣло никакихъ врачей, и оно было поголовно заражено сифилисомъ. 60-ти тысячная армія Валленштейна не имѣла также никакой врачебной организаціи, а по пятамъ этой арміи двигались 15 тысячъ проститутокъ. Мы теперь, конечно, возмущаемся фактомъ порабощенія женщинъ путемъ регламентаціи проституціи; но эта регламентація, придуманная врачами Наполеона I-го, какъ палліативъ, въ силу необходимости, представляетъ собою уже громадный шагъ впередъ, сравнительно, на примѣръ, съ мѣропріятіемъ маршала Филиппа Строци, который въ цѣляхъ обезвреживанія разврата, въ одно прекрасное утро утопилъ 800 проститутокъ въ рѣкѣ Дуарѣ. Что упадокъ половой этики и цѣломудрія не имѣетъ

никакой связи съ медициной и культурой также не мало доказываютъ намъ недавно опубликованныя свѣдѣнія, о распространѣніи венеризма среди калмыковъ. У калмыковъ, какъ извѣстно, не имѣется модныхъ турнюровъ и джерсе, не имѣется никакой воспѣвающей любовь поэзіи, порицаемой Толстымъ, ни поднадзорной проституціи, ни врачей, регулирующихъ послѣднюю, а однако же въ калмыцкомъ населеніи обслѣдованнаго района насчитывается 80% венериковъ. Подобнаго рода факты обильно встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ народовъ, указываютъ намъ лишь на то, что врачамъ и медицинѣ до сихъ поръ, къ великому сожалѣнію, приходится играть слишкомъ слабую, можно сказать, скорѣе пассивную роль при фактическомъ рѣшеніи необъятно-сложнаго полового вопроса въ жизни, какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ группъ населенія. Чтобы не утомлять Вашего вниманія, я считаю излишнимъ перечислять здѣсь серію всѣхъ извѣстныхъ намъ именъ выдающихся гигиенистовъ, психіатровъ и терапевтовъ, утверждавшихъ заодно съ великими моралистами о томъ, что половая воздержанность сама по себѣ не приноситъ вреда здоровью, а скорѣе полезна человѣку, охраняя его умственные и физическія силы, и предотвращая его отъ венерическихъ заболѣваній. Само собою разумѣется что половое воздержаніе, диктуемое врачебною наукой, далеко не имѣетъ аскетическаго значенія, а чисто разумное, сознательное отношеніе къ плотскимъ чувствамъ естественнаго полового влеченія. Не могу не припомнить здѣсь остроумной характеристики, данной половому влеченію однимъ извѣстнымъ, знаменитымъ врачомъ 13-го столѣтія Маймонидомъ: „У человѣка, говоритъ онъ, есть маленькій органъ, кто насыщаетъ его—остается голоднымъ, а кто заставляетъ его голодать, тотъ всегда сытъ“.

Истинная врачебная наука, какъ таковая, независимо отъ всѣхъ буржуазно-меркантильныхъ наклонностей, присущихъ, къ прискорбію нѣкоторымъ изъ ея адептовъ, омрачившихъ и помутившихъ ея высокіе идеалы, истинная медицина главнымъ образомъ стремится изучать и распознавать фактическія конкретныя условія проявленія сексуальныхъ побужденій человѣка, въ его безконечно разнообразной, соціально-экономической обстановкѣ. Истинная медицина, свободная отъ всякаго метафизическаго мудрствованія и чуждая всякому мистическому морализированію и аскетизму, имѣетъ своимъ единственнымъ лозунгомъ помощь страждущимъ. Изучая всѣ причинные моменты физическихъ и моральныхъ недуговъ, медицина всегда имѣла и имѣетъ предъ собою одну задачу избавлять по возможности человѣчество отъ всѣхъ угрожающихъ ему болѣзней, какого бы происхожденія онѣ не были и, такимъ образомъ способствовать усовершенствованію, а не гибели рода человѣческаго. Исходя изъ такого взгляда, трудно согла-

ситься съ парадоксальнымъ воззрѣніемъ Толстого, что медицина способствуетъ распространенію разврата въ обществѣ. Наблюдая и изучая проституцію во всѣхъ формахъ ея проявленія, врачебная наука не только не одобряетъ и не покровительствуетъ ей, какъ выражается Толстой устами Позднышева, а находитъ въ ней одну изъ главныхъ причинъ народнаго бича—сифилиса, подтачивающаго здоровье цѣлыхъ общественныхъ группъ и цѣлаго ряда поколѣній.

Не признавая въ сексуальномъ влеченіи человѣка никакихъ законовъ эволюціи и явленій усовершенствованія, усматривая въ половомъ влеченіи исключительно одни только чувственные, плотскія, животныя побужденія, безъ всякихъ, сопутствующихъ ему интеллектуальныхъ, эстетико-психическихъ мотивовъ культурнаго свойства и характера, Толстой, подъ вліяніемъ такихъ аскетическихъ воззрѣній, упрекаетъ также устами Позднышева огульно, безъ исключенія, всѣхъ врачей по поводу встрѣчающихся случаевъ примѣненія противозачаточныхъ средствъ до искусственнаго выкидыша включительно. Но подобное ошибочное размышленіе героя Крейцеровой сонаты слишкомъ очевидно и ничѣмъ не обосновано. Утверждать, что врачи и медицина фигурируютъ въ качествѣ главныхъ виновниковъ неомальтузіанства, это значитъ игнорировать все то, что намъ извѣстно изъ исторіи и этнографіи объ этомъ явленіи въ жизни человѣка. Начать съ того, что почти у всѣхъ народовъ, на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи, въ силу религіозныхъ, экономическихъ, семейныхъ, половыхъ и массы другихъ причинъ, практиковалось испоконъ вѣка истребленіе потомства въ разнообразной формѣ. То въ формѣ убійства новорожденныхъ, въ особенности дѣтей женскаго пола, то въ формѣ вытравленія плода, или въ формѣ оставленія дѣтей на произволъ судьбы и, наконецъ, освобожденіе себя отъ многочислiя выразилось въ формѣ примѣненія противозачаточныхъ средствъ. Дѣтоубійства наблюдались почти у всѣхъ народовъ древнихъ цивилизацій: у финикійцевъ, сирійцевъ, вавилонянъ и кареагенянъ. У послѣднихъ дѣтоубійство даже поощрялось, такъ какъ они приносили своихъ дѣтей въ жертву богамъ. Даже въ Ветхомъ Завѣтѣ, вопреки первой заповѣди, гласящей „плодитесь, множитесь и наполняйте землю“, явилось желаніе у патріарха Авраама принести въ жертву своего единственнаго сына. Позднѣе мы еще встрѣчаемъ, что пророкъ Исайя ставитъ въ упрекъ евреямъ ихъ обычай и привычку убивать дѣтей въ долинахъ и расщелинахъ скалъ. Древніе Греки не только равнодушно относились къ дѣтоубійству, но послѣднее даже было обязательно. По законамъ Ливурга было предписано убивать слабыхъ и уродливыхъ дѣтей. Древніе Римляне, по словамъ Ювенала, часто приставляли къ своимъ женамъ

хранителей живота, чтобы предупредить выкидышъ, къ которому охотно прибѣгали сладострастные и любящіе развлеченія римскія матроны. Туземки въ Австраліи вслѣдствіе затрудненій, съ которыми связано воспитаніе дѣтей, часто вызываютъ у себя выкидыши. На островѣ Новой Каледоніи замужнія и незамужнія женщины часто вытравливаютъ плодъ проглатываніемъ поджаренныхъ банановъ. На Сандвичевыхъ островахъ и на островѣ Таити женщины умерщвляютъ своихъ дѣтей, оставляя только 2-хъ, 3-хъ живыми. Распространеніе выкидышей въ Турціи, говоритъ Плессъ, служитъ причиной уменьшенія турецкаго населенія. Въ Турціи очень часто прибѣгаютъ къ выкидышу, который до 5-ти мѣсяцевъ считается дозволеннымъ религіею, такъ какъ по мнѣнію магометанъ до этого срока въ зародышѣ еще нѣтъ жизни. Въ Турціи очень часто семейные люди публично, безъ всякаго стѣсненія, покупаютъ абортивныя средства: мужъ, чтобы не пришлось кормить много дѣтей, а жена изъ боязни, чтобы роды не причинили ущерба ея прелестямъ. Въ Англіи напимѣръ, только при Георгѣ 3-мъ выкидышъ началъ считаться преступленіемъ. Новѣйшій фазисъ сокращенія и ограниченія потомства чаще сталъ выражаться въ формѣ примѣненія противозачаточныхъ приѣмовъ и средствъ. Этотъ способъ ограниченія многочадія главнымъ образомъ поддерживается современными, до крайности сложными, социальными условіями *интеркультуры* жителей большихъ городовъ, въ ихъ неудержимой погонѣ за комфортомъ и роскошью съ одной стороны, а съ другой—тяжелыми экономическими условіями нищенствующаго рабочаго пролетаріата и прогрессивно нарастающаго, такъ называемаго, четвертаго сословія. Несомнѣнно, что нельзя не быть признательнымъ и преисполненнымъ глубокаго уваженія къ Толстому за то, что онъ, со свойственной ему задушевной откровенностью, заговорилъ объ этомъ въ доступно-литературной формѣ и еще разъ напомнилъ намъ о крупныхъ элементахъ человѣческой нравственности; о той борьбѣ, которая должна существовать между духовно-сознательной волею человѣка со стихійнымъ половымъ побужденіемъ; о той борьбѣ, въ результатъ которой вырабатывается цѣломудріе и воздержаніе, о чемъ уже давно проповѣдывалось еврейскими и христіанскими моралистами. Еще въ библейское время предупрежденіе зачатія считалось безнравственнымъ поступкомъ. Образъ жизни Оана былъ противенъ Еговѣ. Позднѣе талмудистами проводится взглядъ на *congressus interruptus* какъ на безнравственное явленіе, протівное божескимъ и человѣческимъ законамъ. Предупрежденіе зачатія приравнивается ими къ дѣтоубійству. Этика христіанскихъ моралистовъ считаетъ *coitus sterilis* за смертный грѣхъ. А апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринфянамъ говоритъ, что жена спасется чадородіемъ ради. Заполонившая одно время многіе умы теорія Маль-

туса о законахъ народонаселенія, теорія, построенная на статистикѣ весьма сомнительной точности, не нашла и не могла найти себѣ отклика и сочувствія среди представителей научной медицины. Да и было бы странно допустить, что наука, занимающаяся изученіемъ и усовершенствованіемъ физической и духовной природы человѣка, стала бы стремиться дѣйствовать наперекоръ непреложнымъ ея законамъ. Нельзя, конечно, не отрицать того факта, что нѣкоторые представители ремесленно-меркантильной медицины, въ угоду личнымъ интересамъ и наклонностямъ своихъ частныхъ кліентовъ, прибѣгаютъ къ примѣненію противозачаточныхъ средствъ. Но единичные, исключительные случаи не должны быть возводимы въ принципъ. Научная медицина нисколько не отвѣтственна за подобные отдѣльные факты и считаетъ ихъ явленіями, способствующими вырожденію и вымиранию цѣлыхъ народовъ. Имѣя своимъ идеаломъ охраненіе жизни человѣка, научная медицина еще со временъ Гиппократы, какъ видно изъ составленной имъ врачебной присяги, всегда проповѣдывала и обязывала врачей не производить выкидыша по желанію женщины и съ особенной тщательностью разрабатывала весьма строгія показанія для производства выкидыша, при извѣстныхъ патологическихъ формахъ, угрожающихъ жизни беременныхъ женщинъ, а также и утробныхъ младенцевъ. Достаточно вспомнить здѣсь научныя стремленія и попытки, направленные лучшими представителями гинекологіи къ усовершенствованію операціи кесарскаго сѣченія, съ исключительною цѣлью отстаивать право на жизнь утробнаго плода и больной матери.

Что врачи въ массѣ не солидарны съ неомальтузіанствомъ, доказываетъ намъ также тотъ фактъ, что въ борьбѣ съ дѣтской смертностью врачи вездѣ и повсюду являются первыми и главными дѣятельными инициаторами. Такимъ образомъ резонерство героя Крейцеровой сонаты о томъ, что врачи совершаютъ безнаказанно много убійствъ въ формѣ выкидыша, есть не что иное какъ обычный лепетъ профановъ, мнящихъ себя свѣдующими въ рѣшеніи спеціальныхъ, научно-врачебныхъ вопросовъ.

Если идеалы врачебной науки далеко не всегда реализуются въ жизни, если медицина сплошь и рядомъ не можетъ давать всего того, что отъ нея требуетъ и ожидаетъ неврачебная публика, то во всякомъ случаѣ казалось бы, что постоянное, настойчивое стремленіе врачей къ достиженію какихъ-нибудь плодотворныхъ результатовъ, для предупрежденія и облегченія страданій болѣющаго человечества, никоимъ образомъ не должно было бы служить предметомъ порицанія, упрёка и насмѣшки. Но на самомъ-то дѣлѣ, въ дѣйствительности мы, къ сожалѣнію, наталкиваемся на совершенно обратное, противоположное явленіе. Патологически-настроенное мышленіе, въ силу цѣпкой привязанности къ жизни, или труд-

но преодолимаго страха предъ смертью, у громаднаго числа больныхъ и ихъ близкихъ лишено всякой способности правильно различать и разграничивать въ сферѣ врачебной дѣятельности то, что наука можетъ или не можетъ сдѣлать для каждаго даннаго больного. Нерѣдкое безсиліе медицины, зависящее вообще отъ несовершенства человѣческихъ знаній и отъ непреложности законовъ природы, сплошь и рядомъ среди неврачебной публики легкомысленно и произвольно смѣшивается съ неумѣніемъ или нежеланіемъ врачей помочь всѣмъ безъ исключенія страждущимъ больнымъ. Обманутыя надежды страдальцевъ, одержимыхъ органическими, неподдающимися леченію недугами, порождаютъ постоянно массу недоразумѣній, разочарованій, ропота, неудовольствія и подчасъ даже вызываютъ непримиримое озлобленіе со стороны страдальцевъ противъ врачей и ихъ профессіи. Подобное преувеличенное и превращенное понятіе о медицинѣ служитъ большею частью благопріятной почвой для пышнаго развитія всевозможныхъ нареканій и нападокъ на врачей. Подобное же неправильное, ошибочное сужденіе о врачахъ мы встрѣчаемъ также у всѣхъ безнадежно-умирающихъ героевъ въ произведеніяхъ Толстого. Такъ: „смертельно - раненый прапорщикъ (Набѣгъ) смотритъ съ выраженіемъ *упрека* на доктора, подающаго ему помощь“. Ширкинская барыня (Три смерти) въ предсмертной тоскѣ съ легкомысліемъ, свойственнымъ всѣмъ больнымъ, умирающимъ отъ чахотки, обращается къ мужу со слѣдующими словами: „Сколько разъ я говорила, что эти доктора ничего не знаютъ, есть простыя лекарки, онѣ вылечиваютъ.... Вотъ батюшка говорилъ, есть въ Москвѣ мѣщанинъ, вылечивающій травами.... Пошли“.... Умирающій отъ чахотки братъ Левина Николай (Анна Каренина) провелъ всю свою жизнь въ высшей степени безалаберно, истощалъ себя до-нельзя пьянствомъ и развратомъ, а предъ смертью обвинялъ врачей въ томъ, что онъ не выздоравливаетъ. Иванъ Ильичъ (Смерть Ивана Ильича) одержимый тяжкой, неподдающейся даже точному распознаванію болѣзнію, бѣгаетъ отъ одного доктора къ другому и какъ утопающій хватается за соломенку, отыскивая вездѣ для себя исцѣленія, прибѣгаетъ къ гомеопатіи и святымъ иконамъ, и передъ смертью окончательно разочаровывается въ медицинѣ, а на вопросъ пользующаго его врача отвѣчаетъ лаконически „да, нѣтъ, не спуская съ него *озлобленнаго* взгляда“. Рисуя намъ своимъ тонкимъ художественнымъ анализомъ всѣ нюансы мышленія погибающаго Ивана Ильича, Толстой самъ отъ себя тутъ же, для контраста съ положеніемъ больного, характеризуетъ врача съ особеннымъ озлобленіемъ, какъ всѣ другіе обычные профаны въ медицинѣ. „Все то же. То капля надежды блеснетъ, то взбуждается море отчаянія, и все боль, все боль, все тоска и все одно и то же. Одному ужасно тоскливо, хочется по-

звать когонибудь, но онъ впередъ знаетъ, что при другихъ еще хуже, часть, два проходить такъ. Но вотъ звонокъ въ передней. Авось докторъ. Точно это докторъ, *свѣжій, бодрый, жирный, веселый*, съ тѣмъ выраженіемъ, что вотъ вы тамъ чего-то напугались, а мы сейчасъ вамъ все устроимъ“.... И за спиной своихъ героевъ, Толстой, подъ вліяніемъ своихъ субъективныхъ воззрѣній и антагонизма противъ врачей, самолично отъ себя высказываетъ тѣ же сужденія и вполне солидаренъ со своими больными героями, имѣющими весьма смутное и туманное представленіе о томъ, какіе запросы могутъ или не могутъ быть предъявляемы къ медицинѣ и врачамъ, соотвѣтственно установившимся, въ данное время, предѣламъ человѣческихъ знаній.

Указавъ на особенную специфическую раздражительность, проглядывающую въ художественныхъ произведеніяхъ Толстого противъ врачей, я далекъ отъ мысли набрасывать какую-нибудь хотя бы отдаленную тѣнь, въ формѣ упрека, по адресу нашего великаго литературнаго титана, этого откровеннѣйшаго, самобичующаго проповѣдника, раскрывающаго предъ цѣлымъ свѣтомъ всѣ глубочайшіе тайники своей души. Я только хочу отмѣтить, что въ изображаемыхъ врачахъ, мы не встрѣчаемъ того глубокаго всесторонняго анализа, той психической вивисекціи, которая обычно восхищаютъ насъ въ литературномъ творествѣ Толстого. Если Толстой, при изображеніи врачей, рисуетъ ихъ только съ внѣшней стороны, какъ статистовъ, дополняющихъ картину той или другой жизненной обстановки, и въ добавокъ еще съ примѣсью нѣкоторыхъ отрицательныхъ качествъ въ моральномъ отношеніи, то причина тому кроется съ одной стороны въ массѣ тѣхъ реальныхъ окружающихъ бытовыхъ, традиціонно-современныхъ и общественныхъ условій, отъ вліянія которыхъ нерѣдко весьма трудно отрѣшиться самому даровитому наблюдателю и талантливому художнику, а съ другой—въ томъ автобіографическомъ, мемуарномъ характерѣ, которымъ отличаются почти всѣ художественныя творенія Толстого.

Въ нашей литературной критикѣ, рассматривавшей произведенія Толстого въ связи съ точными біографическими свѣдѣніями о жизни его, было отмѣчено, что Толстой, какъ художникъ, всегда талантливѣе и правдивѣе изображаетъ типы изъ аристократической сферы, съ которой онъ тѣсно сроднился по своему происхожденію, воспитанію и по укоренившимся въ немъ барскимъ традиціямъ. Психическое сродство съ лицами аристократическаго круга весьма рельефно выступаетъ въ той субъективности, съ которой Толстой изображаетъ себя въ лицѣ главныхъ героевъ, фигурирующихъ въ его произведеніяхъ, какъ Оленинъ (Казаки), Иртеньевъ (Дѣтство и Отрочество), Нехлюдовъ (Утро помѣщика), Пьеръ Безуховъ (Война

и Миръ), Левинъ (Анна Каренина). Вліяніе этого аристократическаго сродства сказывается въ отношеніяхъ героевъ къ выведеннымъ на сцену врачамъ. Повсюду, гдѣ только фигурируютъ врачи въ сочиненіяхъ Толстого, весьма замѣтно, что авторъ смотритъ на нихъ съ точки зрѣнія стараго отжившаго барства, которое привыкло не то съ пренебреженіемъ, не то съ высокоуміемъ третировать своихъ врачей, священниковъ, архитекторовъ, губернаторовъ и прочихъ разночинцевъ, необладающихъ качествами настоящей свѣтской комилфотности. Рассказывая, напримѣръ, про французскаго доктора Метивье, пользовавшагося популярностью въ Москвѣ, Толстой выражается такъ: „онъ (докторъ) былъ принятъ въ высшемъ обществѣ не какъ докторъ, а какъ *равный*“. Старый князь Болконскій, пользовавшійся у этого доктора, во время какого-то спора выгналъ этого доктора самымъ безцеремоннымъ образомъ, со словами: „вонъ изъ моей квартиры шпионъ Бонапарта“. Военный докторъ, встрѣтившій гусарскаго поручика графа Ростова, при входѣ въ госпиталь, называетъ его вашимъ благородіемъ, и особеннымъ заискивающимъ образомъ уговариваетъ его не заходить въ госпиталь, чтобы тамъ не заразиться тифомъ, и несмотря на такую заботливость доктора о здоровьи незнакомаго ему гусарскаго офицера, онъ ничего не знаетъ, что дѣлается и что происходитъ въ госпиталь и обо всемъ справляется у фельдшера. Докторъ, пользующій Безухова, засиживается у него по цѣлымъ часамъ и рассказываетъ ему разныя сплетни о больныхъ въ особенности женщинахъ. Молодой земскій врачъ, пріѣхавшій подавать помощь болтливымъ, рассказывающимъ грязныя сплетни. Докторъ, жившій въ имѣніи Бронскаго, характеризуется Анной Карениной тѣмъ, что хотя онъ не нигилистъ, но ѣстъ ножомъ вмѣсто вилокъ. Барскій тонъ по отношенію къ докторамъ выразился также въ описаніи встрѣчи группы Павлоградскихъ офицеровъ на походѣ, въ корчмѣ съ докторомъ и его женой Маріей Генриховной. Въ этой сценѣ сквозитъ оскорбительное диническое, гусарское ухаживанье за простачкой, не комилфотной демократкой. Съ одной стороны представляется веселое настроеніе докторши, польщенной тѣмъ, что за ней ухаживаетъ гусаръ графъ Ростовъ съ товарищами, а съ другой испуганный видъ проснувшагося доктора, когда онъ увидалъ, что жену его окружаютъ гусарскіе офицеры, атакующіе ее разными плоскими шутками и пошлыми остротами. Замашка стараго барства всегда относится свысока ко всякому оплачиваемому труду не мало также проглядываетъ въ томъ, что въ описываемыхъ сценахъ, гдѣ участвуютъ врачи, не упускается случая, гдѣ бы не упомянулось о *деньгахъ*. Сцены эти заканчиваются обыкновенно врученіемъ доктору гонорара; какъ будто этотъ зло-

счастный гонораръ составляетъ неизбѣжный и неотъемлемый атрибутъ, безъ котораго невозможно исполнѣ характеризировать роль врача у больного. Описывая болѣзнь Наташи Ростовой, Толстой между прочимъ выражается такъ, что доктора находятъ нужнымъ лечить потому, что они получаютъ за это деньги. „Будьте покойны, графиня, сказалъ шутливо докторъ, въ мякоть руки подхватывая золотой, она скоро запоетъ и зарѣзвится“. Иванъ Ильичъ, въ разстроенномъ состояніи въ кабинетѣ доктора, вздыхая кладетъ деньги на столъ. Жена Ивана Ильича выходитъ изъ комнаты больного заплаканная, чтобы заплатить доктору. Нельзя при этомъ не замѣтить, что эти прозрачные намеки на серебролюбіе врачей далеко нехарактерны, не типичны и не заключаютъ въ себѣ эпической правды; такъ какъ въ обыденной практической жизни можно на каждомъ шагѣ убѣдиться, что ни одна изъ отраслей человѣческой дѣятельности не изобилуетъ такимъ громаднымъ количествомъ дарового, безкорыстнаго труда, какъ въ сферѣ примѣненія врачебныхъ знаній.

Если подвести итогъ всѣмъ вышеприведеннымъ сарказмамъ и упрекамъ, разбѣяннымъ въ твореніяхъ великаго писателя земли русской противъ врачей, то нельзя не придти къ слѣдующему заключенію. Пока Толстой остается въ сферѣ своего художественнаго творчества и рисуетъ намъ современные ему типы врачей-практиковъ, приспособляющихся и примѣняющихся къ индивидуальнымъ запросамъ и вкусамъ большой, малосвѣдующей въ медицинѣ публики, пока онъ бичуетъ врачей, обслуживающихъ исключительно интересы праздныхъ людей барскаго круга, характеристика его не лишена для насъ нѣкоторой назидательности и не должна проходить даромъ для благотворнаго вліянія на нравственное усовершенствованіе врачей. Но когда Толстой начинаетъ обобщать свои идеи и воззрѣнія на роль и значеніе медицины вообще въ жизни, то въ его разсужденіяхъ проглядываетъ какое-то субъективное чувство, зависящее отъ неполнаго знакомства съ явленіями и фактами историческаго хода развитія истинно-научнаго, врачебнаго мышленія; отъ неполной освѣдомленности въ тѣхъ задачахъ и цѣляхъ, которыя преслѣдовались, правда, не всей массой профессиональнаго врачебнаго сословія, но наилучшими представителями его. Философское отношеніе Толстого къ такому реально-жизненному факту, какъ медицина, слишкомъ абстрактное и абсолютное. Идеальныя проповѣди его объ отреченіи отъ всѣхъ существующихъ формъ жизни, чтобы вернуться къ первобытной простотѣ и некультурности, его аскетическая проповѣдь объ абсолютномъ цѣломудріи и объ отказѣ отъ дѣторожденія, его одностороннія и недостаточно мотивированныя идеи о нендобности раздѣленія труда, его крайне ригористическія и фаталистическія понятія

о неморальности здравоохранительныхъ мѣръ противъ заразныхъ, эпидемическихъ болѣзней,—всѣ эти идеи витають въ какой-то надземной, невѣдомой и непонятной сферѣ для реально живущаго человека. Подобнаго рода воззрѣнія, отвергающія роль и значеніе медицины, далеко не могутъ считаться для насъ новыми и оригинальными. Аналогичная проповѣдь раздавалась уже давно среди первыхъ христіанскихъ сектъ: гностиковъ, манихеевъ и среди нѣкоторыхъ новѣйшаго времени сектантовъ; проповѣдь, не получившая однакожъ никакой фактической реализаціи въ жизни и нисколько не задержала и не затормозила дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія врачебной науки. Отвергая роль и значеніе врачебной науки, какъ активный факторъ въ жизни человека, Толстой впадаетъ въ противорѣчіе съ тѣмъ отвѣтнымъ тезисомъ, который онъ самъ выставляетъ на вопросъ, что дѣлать, въ своей статьѣ „о назначеніи науки и искусствъ“.

„Обязанность разумнаго человека, проповѣдуетъ Толстой въ 3-мъ пунктѣ, участвовать въ борьбѣ съ природой для поддержанія жизни своей и другихъ людей, всегда будетъ самая первая и несомнѣнная“. Такимъ образомъ Толстой, при своемъ исканіи смысла жизни, приходитъ къ тому же самому выводу и воззрѣнію, которые составляютъ альфу и омегу, конечный идеаль всей медицины. Поэтому, находя во врачахъ и медицинѣ однѣ только отрицательныя стороны, Толстой, какъ говорится, выбрасываетъ зерно вмѣстѣ съ плевеломъ. Ибо помимо всѣхъ колоссальныхъ заслугъ и успѣховъ въ дѣлѣ распознаванія и изученія человека, въ его неутомимой борьбѣ съ окружающими стихіями природы, врачебная наука, кромѣ того, мало по малу вытѣсняетъ изъ человѣческой среды невѣжественное, первобытное, суевѣрное и зловерное знахарство. Вѣдь самъ Толстой сознается въ томъ, что болное человечество всегда обращалось и будетъ обращаться за врачебной помощью; такъ не лучше ли и не рациональнѣе ли будетъ обращаться за врачебной помощью къ научно-образованнымъ врачамъ и людямъ, изучающимъ природу человека, чѣмъ къ знахарямъ, колдунамъ, костоправамъ, повитухамъ и другимъ темнымъ и невѣжественнымъ обманщикамъ, эксплуатирующимъ людское невѣжество. Для надлежащей оцѣнки неправильнаго отношенія Толстого въ своемъ литературномъ творествѣ къ врачамъ, не лишне будетъ здѣсь сопоставить, какъ антитезу, слова одного изъ бывшихъ ярыхъ поклонниковъ ученія Толстого, слова покойнаго Чехова, указывающія на извѣстную связь, которая должна существовать между художественнымъ вымысломъ и правдой (*Dichtung und Wahrheit*).

Въ своей краткой автобіографіи Чеховъ, между прочимъ, пишетъ: „Не сомнѣваюсь, что занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность; они значи-

тельно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ. Они имѣли также и направляющее вліяніе, вѣроятно, благодаря близости медицинѣ, мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ, всегда держало меня на сторожѣ и я старался, гдѣ было возможно, соотноситься съ научными данными, а гдѣ невозможно предпочиталъ не писать вовсе. Замѣчу кстати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными. Нельзя изобразить на сценѣ смерть отъ яда такъ, какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться въ этой условности, т. е. нужно чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это условность и что имѣетъ дѣло со свѣдующимъ писателемъ. Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежалъ, и къ тѣмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотѣлъ бы принадлежать“.

Быть можетъ врачебная профессія, въ силу ея специфической особенности, близко соприкасается со всѣми безъ исключенія слоями и элементами населенія, быть можетъ врачебная профессія лишь только тогда будетъ свободна отъ всякихъ нареканій и упрековъ, когда идеально-этический принципъ, о безвозмездномъ врачеваніи человѣческихъ недуговъ, получитъ свое широкое распространеніе. Ибо медицина, какъ двуликій Янусъ, на половину наука и на половину искусство, имѣетъ въ жизни двоякое выраженіе и теченіе. Съ одной стороны чисто научное, имѣющее предъ собой только интересы знанія, распознаванія и усовершенствованія природы человѣка, въ цѣляхъ сохраненія жизни, какъ высшаго блага, а съ другой—прикладное, такъ называемое врачебно-техническое искусство, состоящее только въ примѣненіи знаній, добываемыхъ наукой. Нѣтъ сомнѣнія, что прочность моральныхъ устоевъ во врачебномъ мірѣ зависитъ во многомъ отъ преобладанія и господствованія того или другого направленія. Мы видимъ, напримѣръ, что громадныя врачебно-техническія и спеціальныя приспособленія, примѣняемыя теперь врачебнымъ искусствомъ, нерѣдко находятся въ подчиненіи и въ зависимости отъ буржуазно-меркантильныхъ наклонностей и условий современной гиперкультуры. Моральный дефицитъ особенно рѣзко сказывается во врачебномъ искусствѣ, когда на базарѣ житейской суеты, съ цѣлями наживы, преждевременно выносятся такіе факты и экспериментальныя приемы, которые далеко еще не освѣщены и не обоснованы наукой. Какъ дѣти своего времени, врачи нерѣдко становятся также активными и пассивными соучастниками свирѣпствующей рекламной вакханаліи; поддаются внушеніямъ лекарственныхъ фабрикантовъ, рекламирующихъ широко-

вѣщательно все новыя и новыя панацеи, съ весьма заманчивыми, для болѣющихъ страдалцевъ, этикетами и названіями. Мы видимъ также нерѣдко въ современномъ культурно-соціальномъ строѣ, что подъ вліяніемъ нарастающей нервозности, впечатлительности и психической неуравновѣшенности, взамѣнъ соблюденія разумныхъ правилъ здравоохраненія, диктуемыхъ научной медициной, происходитъ безшабашная погоня за модными врачами, модными лекарствами и модными курортами. Все это, конечно, ждетъ своей бичующей сатиры и своихъ строгихъ, моральныхъ цензоровъ, въ духѣ римскаго Катона Старшаго, который во время упадка нравовъ, въ озлобленіи противъ тогдашнихъ (шарлатановъ) врачей, завѣщалъ своему сыну никогда не обращаться къ нимъ.

Не могу не привести здѣсь, кстати, весьма мѣткихъ словъ, высказанныхъ о практическомъ врачебномъ искусствѣ на послѣднемъ Пироговскомъ съѣздѣ однимъ изъ лучшихъ нашихъ народныхъ представителей, докторомъ Шингаревымъ. „Частная практика“, говоритъ онъ, „низводящая врача на степень ремесленника-торгаша, извращаетъ самую цѣнную, самую высокую сторону врачебной дѣятельности — непосредственную помощь страждущимъ, вноситъ острый диссонансъ въ великое дѣло облегченія страданій, служитъ источникомъ горькихъ укоровъ и нерѣдко справедливыхъ нареканій на врачебное сословіе; вызываетъ нездоровую конкуренцію, отравляя возможность коллективной, коллегіальной работы и, что самое главное, неизбѣжно уничтожаетъ и убиваетъ высшіе интересы врачебной науки, какъ основы здравоохраненія народа, подмѣняя ихъ интересами личнаго меркантильнаго разсчета. Частная практика врачей, въ конечномъ результатѣ, становится могилой ихъ общественной дѣятельности“.

Но, Sapientiae sat; не будемъ смотрѣть пессимистически на будущность врачебнаго искусства; такъ какъ мы воочию видимъ, что, благодаря прогрессивно-нарастающимъ успѣхамъ врачебнаго мышленія, древнее мифическое сказаніе о рожденіи у Эскулапа дочери Гигіеи сдѣлалось въ настоящее время реальнымъ жизненнымъ фактомъ. На ряду, съ нѣкоторыми дефектами практическаго врачебнаго искусства, мы видимъ, что въ умахъ многихъ и многихъ врачей нарождаются и назрѣваютъ другія, противоположнаго смысла, воззрѣнія на роль медицины въ жизни; воззрѣнія, стремящіяся лишить профессиональную медицину ея буржуазно-ремесленныхъ наклонностей и вождельній и сдѣлать ее могучимъ, созидающимъ факторомъ расоваго усовершенствованія человѣка и всей его соціальной обстановки. Индивидуальная медицина, со всѣми ея меркантильными атрибутами, должна отойти на второй планъ и уступить свою палму первенства медицинѣ общественной, обнимающей

все болѣе и болѣе интересы тѣхъ группъ населенія, которыя въ борьбѣ за существованіе наиболѣе нуждаются въ гигиенически-врачебной помощи, и которымъ, по справедливости, принадлежит наибольшее право на эту помощь. Справедливый упрекъ, сдѣланный Толстымъ медицинѣ, что она обслуживаетъ интересы только богатыхъ лицъ, утратить тогда свое значеніе. Ибо изъ всѣхъ сферъ человѣческой дѣятельности, медицина можетъ и должна представлять собою одинъ изъ ближайшихъ этаповъ для возможнаго водворенія въ жизни истинной, евангельской любви къ ближнему.

Литература.

При составленіи предыдущей рѣчи авторъ пользовался слѣдующими литературными источниками:

- 1) Л. Н. Толстой. Полное собр. сочин. С.-Петербургъ 1906.
- 2) Зелинскій В. Русская критическая литература о Толстомъ. Москва 1900 г.
- 3) Guardia I. M. Исторія медицины. Переводъ съ французскаго. А. Дохмана 1892.
- 4) Baas I. H. Die geschichtliche Entwicklung d. ärztlichen Standes 1896.
- 5) Puschmann Th. Handbuch der Geschichte der Medicin. Leipzig. 1905 г.
- 6) Neuburger. M. Geschichte d. Medicin 1906.
- 7) Пироговъ. Письма изъ Севастополя.
- 8) Militärarzt за 1908. Ueber die Entwicklung des Militärsanitätswesens v. Dr. Wanscher.
- 9) Harde I. B. Le sepulcre de la grande Armée. Paris.
- 10) Мечниковъ. Законъ жизни. Вѣстникъ Европы 1891 т. V.
- 11) Овсяннико-Куликовскій. Сѣверный Вѣстникъ 1897 № 12, и Л. Н. Толстой къ 80 лѣтію великаго писателя.
- 12) Letourneau. L'évolution du Mariage et de la Famille Paris. 1888.
- 13) Тарновскій. Проституція и абolicіонизмъ.
- 14) Ploss H. D. Das Weib in d. Natur und Völkerkunde. Leipzig 1887.
- 15) Шиповъ Н. Н. Д-ръ о материнскомъ инстинктѣ. Смоленскъ 1903.

- 16) Axelrod E. L. Tolstois Weltanschauung. Stuttgart 1902.
- 17) Андреевичъ. Монографія. Л. Н. Толстой. С.-Петербургъ 1905 г.
- 18) Библия, или Священное писаніе Ветхаго и Новаго Завета.
- 19) Stange C. D-r. Das Problem Tolstois.
- 20) Sanson—Himmelstjerna. Anti-Tolstoi. Berlin 1902.
- 21) Ettlinger A. Leo Tolstoi. Eine Skizze seines Lebens und Wirkens.
- 22) Freimark H. Tolstoi als Charakter. Wiesbaden 1909.
- 23) Журналъ охраненія Народнаго Здравія за послѣдніе 4 года.
- 24) Gruber. G. Dr. Ueber Wesen und Wertschätzung d. Medizin zu allen Zeiten. München 1909 г.

